

любовью» Фонвизин, действуя нечаянно и повинувшись своему художественному чувству, поставил выше благовоспитанной Софьи.

Так фигура Фонвизина приобретает в интерпретации Достоевского широкую социально-психологическую объемность. Это и барин XVIII в. во французском кафтане — верный сын общества своего времени, легко готовый сменить порой веру в спасительную силу «французских помочей» на веселую насмешку над теми же помочами и не имеющим будто бы рассудка французом, то русский человек большинства, испытывающий органическое уважение к этому большинству, его незаурядной жизненной стойкости, разуму и практическому смыслу. В итоге проблема демократизма и реализма Фонвизина предстают в трактовке Достоевского в новом, неожиданном ракурсе. Белинский связывал обличительный пафос писем Фонвизина с состоянием общества и настроениями предреволюционной Франции. В глазах же Достоевского творчество Фонвизина предстает в качестве сложного художественного сгустка. Здесь он ощущает истоки и традиционного либерального «европеизма» русской дворянской интеллигенции, и ее — явного или тайного — «славянофильства», и трезвого, демократического по своей социальной окраске, ощущения реальной стихии жизни русского большинства (стихии, путей приближения к которой настойчиво искал в 1860-х годах и сам Достоевский, не вполне правомерно противопоставлявший, однако, эти свои искания исканиям сознательно демократической части русского общества того же десятилетия).

«Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону», — писал о себе несколько позднее Достоевский.⁵ Анализ образов капитанши Гвоздиловой, ее мужа и бригадирши в «Зимних заметках» свидетельствует о том, что в творчестве Фонвизина Достоевский сочувственно выделял первые зачатки подхода к решению именно этой художественной задачи, а вместе с тем и зачатки неотделимого от ее решения в понимании романиста стремления «найти в человеке человека». Так собственные идеологические и художественные искания Достоевского осветили для него по-новому смысл реалистических достижений одного из самых выдающихся русских писателей XVIII в.

⁵ Литературное наследство, т. 77. М., 1965, с. 342.